

ПОВЕСТИ О МУДРОСТИ ИСТИННОЙ И МНИМОЙ

Перевод с пали

Под редакцией Г. Зографа

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское
отделение
1989

С
П
Б
Ф
И
В
Р
А
Н
/
S
P
B
I
O
S
R
A
SББК 84.5 Ид
П 42

Составление А. ПАРИБКА и В. ЭРМАНА

Предисловие В. ЭРМАНА

Примечания А. ПАРИБКА

Оформление художника П. ТАТАРНИКОВА

П 4703020600-055
028 (01)-89

ISBN 5-280-00692-0

© Состав, предисловие, переводы,
примечания, оформление.
Издательство «Художественная
литература», 1989 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Богатство художественной культуры стран Востока долгое время оставалось почти неизвестным западному миру и открылось оно ему относительно недавно. Только около двух веков назад, начиная с эпохи европейского романтизма, пробуждается на Западе активный интерес к восточным литературам и начинается систематическое их изучение. Нельзя сказать, однако, что до этого они были совершенно чужды европейской культуре. Первое знакомство с ними относится ко временам значительно более ранним. И первыми литературными памятниками, пришедшими из Индии и обогатившими духовную жизнь народов Средиземноморья, а позднее и Северной Европы, были произведения санскритской повествовательной литературы — получившие широкую известность сборники сказок, притч и басен.

Они пришли на Запад через посредство арабских версий, оказав благотворное воздействие и на литературы Ближнего Востока; влияние индийской повествовательной литературы, достигшей высокого совершенства художественной формы в эпоху расцвета классической культуры древней Индии в середине первого тысячелетия нашей эры, распространилось в раннее средневековье и на другие страны Азии. Из всех памятников древнеиндийской литературы наиболее широкую популярность за пределами страны имела знаменитая «Панчатантра», на протяжении нескольких веков переложенная на десятки языков Востока и Запада. Помимо заимствования сюжетов, влияние индийской повествовательной литературы сказалось в развитии выработанной в ней рамочной композиции во многих литературах средневековья и нового времени — от арабской книги сказок «Тысячи и одной ночи» до европейских «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и «Декамерона» Дж. Боккаччо.

В свое время, когда историко-литературные исследования выявили эту исключительную роль древнеиндийской повествовательной традиции в развитии мирового литературного процесса, в европейской науке сложилось представление об Индии как о «родине сказок». Углубляясь в историю самой индийской литературы, исследователи обнаружили источники многих популярных сюжетов «Панчатантры» и других санскритских сказочных сборников в тек-

стах, восходящих к более ранней эпохе. Из них самым содержательным в этом отношении явился крупнейший памятник повествовательной литературы на языке пали — «Джатаки», книга, включенная в состав буддийского канона «Типитака», версии, принадлежащей тхераваде, древней традиции южного буддизма. Выявление ранних версий сюжетов «Панчатантры» в буддийской литературе дало основание известному немецкому ученому Т. Бенфею, одному из основоположников сравнительной фольклористики, выдвинуть в середине прошлого века тезис о буддийском происхождении и самой «Панчатантры», и сказочной литературы Индии.

Ошибочность этого тезиса выяснилась давно, общность некоторых сюжетов буддийской повествовательной литературы и «Панчатантры», как показали дальнейшие исследования, никоим образом не обосновывает именно буддийского их происхождения. И сложение книги «Джатаки» в традиции тхеравады никак не определяет обусловленности становления сказочно-повествовательных жанров буддийской религиозной доктрины; в основе этого памятника, как и в основе «Панчатантры», лежит не ограниченное какой-либо догмой народное творчество. Но связь палийской книги «Джатаки» с ранним буддизмом все же нельзя считать совершенно случайной.

Буддизм зародился в Индии около 6 в. до н. э. и на протяжении последующих двух-трех столетий приобрел преобладающее влияние в духовной и социальной жизни широких слоев общества как идеология новой эпохи, пришедшая на смену древнему брахманизму, основывавшемуся на архаическом мировоззрении давно отошедшей в прошлое стадии исторического развития. При своем возникновении и в ранний период своей истории буддизм играл относительно прогрессивную роль в борьбе с отживающей брахманистской догмой; в этой борьбе отразились важные сдвиги в материальной и духовной сферах жизни древнеиндийского общества в середине первого тысячелетия до н. э. В какой-то мере ранний буддизм в своей проповеди сословного равенства в духовной жизни выразил интересы средних, отчасти даже низших слоев общества. Правда, ведущая роль в этом движении принадлежала второму сословию — воинской аристократии (кшатриям); буддийская идеология оказалась наиболее отвечающей требованиям эпохи создания сильного централизованного государства, которое впервые объединило Индию в 4—3 вв. до н. э.

Тем не менее именно усиление влияния идеологии средних сословий, составивших опору буддийского движения, способствовало проявлению известных демократических тенденций в литературе и прежде всего — в ее повествовательных жанрах, связанных с фольклором.

К этому времени параллельно с литературой на санскрите,

языке брахманистской религии, начинают развиваться связанные с реформаторскими движениями литературы на пракритах — среднеиндийских языках, более близких живой народной речи. Самая значительная из пракритских литератур — литература на языке пали, основные памятники которой входят в состав буддийского канона тхеравадинов; согласно их традиции, текст канона воспроизводит подлинное слово Будды, но в действительности он сложился значительно позднее времени жизни прославленного вероучителя, и пали, литературный язык, вобравший в себя черты различных ранних пракритов, уже значительно отделился, по-видимому, от языка первоначальной буддийской проповеди.

Но версия канона на языке пали если и не самая древняя — единственная, сохранившаяся полностью (версии на других языках дошли только во фрагментах). Она была зафиксирована письменно впервые в 1 в. до н. э. за пределами Индии, на Шри Ланке, принесенная туда индийскими миссионерами. Палийский канон «Типитака» (букв. «Три корзины») составляют три грандиозных свода произведений разнообразного содержания — далеко не исчерпывающегося религиозной догматикой, — созданных в различное время. Из трех этих сводов (каждый из которых имеет свои разделы) наиболее интересен в историко-литературном отношении второй — «Сутта-питака» (букв. «Корзина поучений»), а из составляющих его разделов — пятый, заключительный, «Кхуддака-никая» («Собрание малых книг»). Именно в этот раздел входят наиболее значительные памятники художественной литературы на языке пали — такие, как популярнейшая в странах буддизма «Дхаммапада», и другие известные книги религиозно-философской лирики — («Сутта-нипата», «Тхеригатха», «Тхерагатха») — и книга «Джатаки».

«Джатаки», что означает «Повести о прошлых рождениях», — название книги (десятой в «Кхуддака-никае»), но также и особого рода повествовательной литературы в буддийской традиции; джатаки встречаются и в других частях «Типитаки», и за пределами палийской литературы. Но десятая книга «Кхуддака-никаи» — самое значительное из собраний джатак и, по-видимому, самое раннее по происхождению из дошедших до нас.

Буддизм принимает, как известно, общее для индийских религий учение о перерождениях (о «переселении душ», как его иногда называют в Европе), согласно которому человек возрождается после смерти в новом образе, на более высокой или более низкой ступени социальной иерархии, или даже вне мира людей — зверем или небожителем — в зависимости от итога своих добрых и злых деяний в этой жизни (того, что называют «кармой»). Считается, что, как и всякий другой смертный, великий вероучитель Сиддхартха Гаутама, царевич небольшого племени шакьев, именуемый Буддой, то есть Просветленным, прошел многие рождения, прежде чем

воплотился в той жизни, в которой обрел просветление и избавился от власти закона кармы со всеми следующими из него тяготами, неизбежно сопряженными с существованием в этом мире. До момента просветления, и в этой жизни, и во всех предшествующих рожденьях, к просветлению еще не приведших, в образе человека, или животного, или небожителя, будущий Будда был бодхисаттвой (на пали: бодхи-сатта) — так обозначается в буддизме тот, кому предстоит просветление (бодхи). Джатаки и представляют собой повести о бодхисаттвах. Этот своеобразный род буддийской литературы при отсутствии жанрового единства определяется отождествлением героя или какого-либо персонажа повествования с Буддой в одном из его прошлых рождений.

Палийская книга «Джатаки» и является обширным сводом таких повествований. Основная часть составляющих его текстов восходит, как полагают, приблизительно к 3–2 вв. до н. э. (о чем свидетельствуют относящиеся к этой эпохе памятники изобразительного искусства, барельефы буддийских культовых сооружений — своеобразные иллюстрации к палийским джатакам). Но текст джатак этого собрания не сохранился в своем первоначальном виде.

Характерной чертой ведущих жанров древнеиндийской повествовательной литературы классического периода является чередование прозы и стихов. Так же построена и палийская книга джатак. В той редакции, в которой она дошла до наших дней, только стихи («гатха») сохранились в своей оригинальной форме (и только стихотворный текст джатак буддийская традиция включает в канон). Прозаическая часть была зафиксирована на Шри Ланке лишь в 5 в. н. э. и считается, что ее текст представляет собой обратный перевод на пали сингалского перевода с оригинала, к тому времени утраченного. Отсюда, естественно, наличие поздних наслоений, но они не настолько, по-видимому, значительны, чтобы скрыть от нас оригинальное содержание памятника. Эта прозаическая часть текста буддийской традицией рассматривается формально как комментарий и в канон не включается (некоторые исследователи сомневаются, что ее оригинальная версия вообще существовала в фиксированной форме).

Текст каждой джатаки в этом собрании традиция делит на пять составных частей: «повесть о настоящем» (вводная история, в которой сообщается, при каких обстоятельствах поведал Будда своим ученикам нижеследующую повесть об одном из своих прошлых рождений); «повесть о прошлом» (основная часть джатаки, рассказ, влагаемый в уста самому Будде); «гатха» (стихотворная часть джатаки, выделяемая как самостоятельная, хотя она обычно перемежается с прозой); грамматический комментарий к гатхам, выходящий за пределы художественного текста; «связывающая»

часть (заключительная, в которой рассказчик Будда отождествляет себя, а также каких-либо своих современников с персонажами «повести о прошлом»).

Каждая джатака начинается со стиха, влагаемого в уста Будды-рассказчика в традиционном вступлении; в тексте самой повести этот стих повторяется, начиная строфу, обычно содержащую мораль или объясняющую смысл рассказа. В этом композиция палийских джатак (если она действительно восходит ко времени создания оригинальной версии книги) предвосхищает отчасти форму знаменитых санскритских сказочных сборников, упоминавшихся выше, того жанра, получившего развитие в эпоху расцвета классической культуры, который в современном литературоведении определяется термином «обрамленная повесть».

В создании палийского сборника джатак отразилось стремление раннего буддизма использовать для пропаганды своего учения неисчерпаемые богатства индийского народного творчества. В каноне мы находим свидетельства принципиально негативного отношения буддийской церкви к художественному творчеству — запреты монахам рассказывать истории «о царях, разбойниках, советниках, войнах, битвах, женщинах, богах, духах, морских приключениях» и т. п.; и некоторые консервативные буддисты решительно не признавали этот вид проповеди. Но сами эти запреты говорят о популярности такой устной повествовательной литературы даже в монашеской среде; и в том же каноне, и в других буддийских сочинениях встречаются упоминания о том, что сам Будда использовал в своих проповедях притчи, поучительные рассказы и т. п. Книгу джатак традиция рассматривает как такого рода проповедь. Следует признать, однако, что содержание ее этому взгляду мало отвечает.

Во вступлении к каждой джатаке Будда обращается к монахам по поводу того или иного случая, происшедшего на их глазах в жизни общины или ставшего в ней известным, и приступает к подходящему к этому случаю рассказу, который начинается большей частью стереотипно: «В былые времена, когда в Варанаси правил царь Брахмадатта, Бодхисаттва воплотился...» и далее, в зависимости от содержания джатаки, сообщается, в каком роду или у какой матери появился на свет герой рассказа — в образе человека или животного. Отождествление с Буддой подтверждается по завершении джатаки в заключительной части. Но заключенная в этом традиционном обрамлении повесть по своему содержанию является обычно совершенно самостоятельным произведением и может не иметь ничего общего с буддийской идеологией. Нередко таким путем превращается в джатаку народная сказка или популярная легенда, кроме упомянутого отождествления никак с буддизмом не связанная.

В палийской книге образ Будды-рассказчика объединяет более пятисот джатак, повествований весьма различных жанров и содержания, расположенных по чисто формальному признаку — числу стихотворных строф в каждом произведении. В первых частях вследствие этого содержатся главным образом прозаические джатаки меньшего объема, включающие одну, две и немногим более строф; здесь мы находим в основном короткие притчи, басни и сказки. Эти жанры вообще наиболее характерны для джатак. Именно в первые книги собрания входят преимущественно особенно интересные в историко-литературном отношении произведения, сюжеты которых повторяются потом неоднократно в индийской литературе, и здесь же обнаруживаются многие так называемые «бродячие сюжеты» мировой литературы, встречающиеся в различные эпохи далеко за пределами Индии.

В первых книгах «Джатак» преобладают басни и сказки о животных, те жанры, которые особенно богато представлены и в санскритских «обрамленных повестях» последующей эпохи. Рассказ о дружбе льва и быка и о хитром шакале, их поссорившем (джатака 349) — им открывается первый раздел предлагаемого читателю сборника избранных джатак, — самая ранняя, по-видимому, версия сюжета обрамляющей повести первой книги «Панчатантры», с которой он впоследствии распространился по свету; он же лежит в основе не менее знаменитой арабской книги «Калила и Димна» (второй шакал появляется в санскритской версии, и в ней оба шакала, как и другие животные, получают имена). Сюжет рассказа об обезьяне, перехитрившей крокодила, дважды представленный в «Джатаках» (57, 208), используется в обрамляющей повести четвертой книги «Панчатантры»; известен он и за пределами Индии, в японском фольклоре. В «Панчатантру» переходит из «Джатак» и лицемерный кот, прикидывающийся благочестивым отшельником, чтобы пожирать доверчивых мышей; еще более близкая палийской версия обнаруживается в «Махабхарате». Тема обманутого доверия повторяется в рассказе о коварном ибисе, пожирающем рыб, которых он взялся переносить из одного пруда в другой; и этот сюжет мы встречаем потом в «Панчатантре», а много веков спустя — уже в европейской литературе, у Лафонтена; известен он также в цыганском фольклоре.

У Лафонтена мы находим и сюжет джатаки 294, в которой шакал хвалит ворону за прекрасный голос, чтобы заполучить лакомый кусок из ее клюва; европейский автор заменяет только шакала на лису, и в таком виде сюжет переходит в русскую литературу — мы узнаем его в известной с детства басне Крылова. Другую басню Крылова напомним включенная в настоящее издание джатака о леопарде, пожравшем козу, тщетно пытавшуюся умилостивить его своим смирением (426). Вопрос о путях заим-

ствования, впрочем, решается не всегда просто, и в свое время среди исследователей возникла оживленная дискуссия относительно происхождения знаменитой эзоповской притчи об осле в львиной шкуре, версию которой встречаем в «Джатаках», а также в «Панчатантре» (где шкура меняется на тигровую); родины сюжета одни считали Грецию, другие — Индию.

Во всяком случае, в упомянутых джатаках нет ничего буддийского, помимо традиционного обрамления, и отождествление, например, находчивой обезьяны с Буддой в одном из его прошлых рождений, а глупого крокодила — с Девадатгой, раскольником и врагом Будды, в заключении к известной джатаке явно искусственно. В основе такого сюжета лежит восходящий, несомненно, к фольклору мотив победы слабого над сильным, бедняка над властью имущим, одержанной благодаря уму и находчивости, — этот мотив весьма распространен в «Джатаках».

Проповедь самоотверженности — признанной буддизмом добродетели — можно усмотреть в джатаке о вожаке обезьяньего стада, спасшем своих соплеменников ценою собственной жизни (см. заключительную повесть первого раздела); но, хотя герой и выступает здесь как бодхисаттва, подвиг его, несомненно, достоин славы и вне какой-либо связи с буддийской этикой. Встречаются, однако, и притчи явно религиозного содержания — например, «Рассказ о зайце» (316), где та же тема фанатического самопожертвования выражена утрированно: заяц-бодхисаттва бросается в огонь, чтобы накормить собою голодного пугника (версия этой притчи содержится в санскритском сборнике 4 в. — «Гирлянде джатак» Арьяшурь). Ассоциируется с религиозной моралью и джатака о петухе и кошке (383), предостерегающая от соблазна; иллюстрацию к ней находим на барельефе буддийской «ступы» в Бхархуте. Впрочем, мотив обличения женской порочности, вообще характерный для восточных литератур, тоже не принадлежит исключительно буддизму.

В «Джатаках» этот мотив широко представлен, на нем строится, в частности, сюжет джатаки 198 — о попугае, которого хозяин оставил дома в свое отсутствие стеречь целомудрие супруги-хозяйки. Позднее он лег в основу известного санскритского сказочного сборника «Семьдесят рассказов попугая», в средние века перешедшего в ближневосточные литературы под названием «Тути-намэ» и завоевавшего там в версиях на местных языках необычайную популярность, как завоевал он ее и в версиях на новоиндийских языках в самой Индии. Тот же мотив представлен во многих джатаках, уже выходящих за пределы сказочно-басенного жанра; собрание таких рассказов представляет собой большая «Повесть о Кунале» (536) в последней книге.

Тема, извечно присущая народному творчеству вне связи с буд-

дизмом или какой-либо иной религиозной системой, лежит в основе аллегорической притчи о споре Правды с Кривдой, которая помещена в начале нашего сборника. Эта же тема — уже не в столь отвлеченном воплощении — присутствует во многих повестях различных жанров, входящих в «Джатаки».

В баснях и сказках о животных, а также в сказках, где наряду с животными действуют люди, заключено определенное социальное содержание, для них характерны элементы сатиры, обличения царящих в обществе пороков и несправедливости, обличения, не всегда органически связанного с религиозным морализаторством. С сатирическим началом связан, в частности, в «Джатаках» известный фольклорный мотив о благодарных животных и неблагодарном человеке, варьирующийся неоднократно; сопоставление людей с животными в сказках палийской книги говорит обычно не в пользу людей.

Богатый культурно-исторический материал мы находим в повестях этой книги, где животные персонажи отсутствуют и где жизнь древнеиндийского общества изображается без иносказаний. Представители самых различных социальных слоев и профессий фигурируют или упоминаются в джатаках, близких по жанру новелле; в рассказах о разбойниках (они составляют один из циклов в книге, причем дважды сам Будда выступает в роли разбойника в своих прежних рождениях!), бродягах, игроках, гетерах проступают живые черты эпохи — более явственно, чем в ранних памятниках санскритской литературы. Сюжет джатаки 48 — о разбойниках, убивающих друг друга ради овладения сокровищем, — получает распространение в мировой литературе (мы находим его уже у Чосера, в рассказе торговца индугенциями).

В обличении социальных пороков «Джатаки» нередко обращают оружие сатиры против представителей высших сословий, царей и брахманов. Уже в сказках о животных жестокость и коварство царей и их приближенных, лицемерие и корыстолюбие святош изображаются достаточно живо и остро и за животными масками легко угадываются реальные социальные типы. Без масок они выступают в упомянутых джатаках-новеллах. Сатирическое начало проявляется и в коротких притчах-рассказах о дураках, представляющих жанр, распространенный в фольклоре многих народов (ср. греческие рассказы об абдеритах, немецкие шванки).

Рассказам о дураках противостоят повести и притчи о мудрости и ловкости, о мудрых ответах, остроумном разрешении сложных житейских задач, о мудрых и пронизательных суждениях, искусных мастерах. Такова джатака 257 — о мудром царевиче Адамукхе, разрешающем трудные судебные дела; один из включенных сюда сюжетов повторяется потом в мировой литературе (наиболее известен он по «Венецианскому купцу» Шекспира). Подобные же

сюжеты включены в основу больших повестей в последних частях собрания; в предлагаемом издании читатель найдет историю царя Куши (531), в которой развивается тема преданной любви и высоких достоинств, скрывающихся за безобразной внешностью; близкий этому сюжет находят в средневековой тибетской литературе. Цикл рассказов указанного жанра входит и в заключающую наше собрание «Повесть о большом подземном ходе» (546), о которой потом будет сказано подробнее; один из них повторяет сюжет известной притчи о соломоновом суде, определившем истинную мать ребенка в тяжбе двух женщин; он известен впоследствии в китайской пьесе о меловом круге, использованной уже в XX в. Б. Брехтом.

Не вызывает сомнения фольклорное происхождение этих рассказов. Это же относится к большим джатакам сказочного содержания, помещенным в последних частях книги (сказочный элемент, впрочем, пронизывает все ее части, вторгаясь нередко и в упомянутые повести новеллистического типа, рисующие социальную жизнь эпохи). Тема женского коварства развивается также в сказках, в которых действуют яккхینی — фантастические обитательницы безлюдных морских побережий, в облике прекрасных женщин заманивающие к себе потерпевших кораблекрушение, своего рода индийская параллель греческим сиренам. К этим сказкам примыкает цикл повестей о морских приключениях (тема, совершенно чуждая ранней санскритской литературе, почему некоторые исследователи даже предположили здесь заимствование сюжетов извне), обычно они содержат фантастические описания неведомых земель и океанов. Отдельный цикл в книге составляют джатаки о людоедах; популярен сюжет помещенной в нашем собрании «Большой истории о Сутасоме» (537), в которой людоед отпускает свою жертву, взяв обещание вернуться, и праведник (бодхисаттва) возвращается; версии этого сюжета обнаруживаются в санскритской литературе и за пределами Индии — в литературах тибетской и китайской. В джатаке 432 о брахмане-следопыте сам Будда в прошлом рождении выступает как сын людоедки-яккхینی, но сюжет принадлежит скорее жанру рассказов о мудрецах и умельцах, упомянутому выше.

В больших джатаках последних книг часто действуют всякого рода сверхъестественные существа: наги и супарны — сказочные змеи и птицы-оборотни, яккхи и киннары, подобные гномам и эльфам европейского фольклора, и т. п. Ряд джатак посвящен извечной борьбе змиев-нагов и супарнов, солнечных птиц, — те и другие, обладая даром оборотничества, выступают также в человеческом облике.

«Джатаки» отражают раннюю буддийскую традицию, в них нет еще признаков обожествления Будды, происшедшего позднее

в северном буддизме. Заметную роль в некоторых рассказах играет древнее божество Шакра (на пали: Сакка), в индуистской литературе более известное под именем Индра (буддизм не отрицает существования богов индуистского пантеона, только не считает их всемогущими и ставит относительно низко в иерархии существ, населяющих вселенную, ненамного выше обыкновенных смертных и, во всяком случае, ниже Будды). Индра (Сакка) в буддийской литературе фигурирует как смиренный почитатель Будды; в сюжетах «Джатак» он обычно играет благодетельную роль, но часто выступает как «искуситель», испытывающий добродетель смертных.

В относительно немногих джатаках дидактический элемент определенно преобладает над повествовательным. Собранием поучительных изречений, пословиц, афоризмов является джатака 512, включающая также краткие рассказы-иллюстрации. Но и в этой дидактике даже там, где она имеет явно религиозное направление, очень мало специфически буддийского. В некоторых обширных джатаках-легендах повествование разворачивается вокруг таких изречений или поучительных диалогов. Такова джатака 544, «Большая история о Нараде Кашьяпе», завершающая второй раздел данного сборника; при морализаторской благочестивой концовке в ней любопытна проповедь Гуны Кашьяпы, развивающая явно материалистические и антиклерикальные идеи.

Наибольшей популярностью пользовался сюжет легенды о Вессантаре, которая составляет содержание джатаки 547, представляющей собой своего рода религиозно-дидактический эпос. Здесь мотив испытания героя (напоминающего христианскую легенду о Иове) служит проповеди покорности судьбе и непротивления злу (не ограниченного самопожертвованием, ибо благочестивый герой безропотно обрекает на муки и своих близких). В этой джатаке буддийская идеология действительно доминирует, причем дух ее уже близок махаяне, северному буддизму, получившему становление позднее, что позволяет предположить относительно позднее происхождение самого текста. Легенда о Вессантаре (Вишвантаре) повторяется в санскритской буддийской литературе в «Гирлянде джатак» Арьяшуря, она известна также в буддийских традициях Бирмы и Тибета, где созданы были ее драматические версии; представления их дожили до нового времени в этих странах.

Но и тема испытания и самопожертвования не принадлежит исключительно буддизму. Сходен с упомянутой джатакой сюжет легенды о праведном царе Шиби, пожертвовавшем ближнему своей плотью (мы упоминали о воплощении той же темы в притче о зайце); существует индуистская версия сказания о царе Шиби, или Ушинаре, трижды варьированная в «Махабхарате», и трудно ска-

зать с уверенностью, является ли изначально именно буддийская легенда.

Дидактическое содержание, по существу, не связано с буддийской моралью и в большой стихотворной «Повести о Видуре», героем которой является один из центральных персонажей «Махабхараты», родич и мудрый советник царя куру. С эпосом перекликаются также две версии известного мифа о Ришьяшринге (523 и 526), первая из которых приводится в нашем собрании; миф этот излагается в «Махабхарате» и «Рамаяне», причем, по мнению исследователей, «Джатаки» отражают более раннюю форму сюжета, чем эпические тексты. В палийской книге содержится также одна из самых ранних версий сказания о Раме, лежащего в основе второго великого эпоса древней Индии, — «Повесть о Дашаратхе» (461), текст которой представляет определенную ценность для изучения происхождения сюжета «Рамаэны». В некоторых джатаках звучат отголоски ранних легенд о Кришне, впоследствии составивших популярнейший эпический цикл в санскритской литературе.

В последних частях «Джатак» в некоторых повествованиях стихи решительно преобладают над прозой и они, по существу, представляют собой большие поэмы (обычно сказочного содержания); таковы уже упоминавшиеся поэма о нагах и супарнах — «Повесть о Бхуридатте», эпос о Видуре, «Большая история о Нараде Кашьяпе». Стихи преобладают иногда и в джатаках малых форм, например в упоминавшемся «Рассказе о леопарде» (сюжет которого повторяется в крыловском «Волке и ягненке»); он построен в форме стихотворного диалога между леопардом и его жертвой. (Вследствие преобладания стихов он отрывается от основной массы джатак-басен, преимущественно прозаических, помещенных в первых частях собрания.) Некоторые джатаки, содержащие стихотворные диалоги, имеют характер своеобразных баллад.

С другой стороны, завершающая предлагаемое собрание избранных джатак «Повесть о большом подземном ходе» определенно превосходит литературную форму романа, объединяющего различные сюжеты в эпизодах, которые связываются образом героя и проходящим многие стадии развития основным действием; это произведение включает большое число персонажей и чередует бытовые и сказочные истории с эпическим повествованием, отмеченным занимательностью интриги. К романной форме приближает эту джатаку и значительная роль драматического элемента, развитие действия в диалогах персонажей. Содержание этого самого значительного из составляющих книгу джатак произведений — в некоторых основных чертах оно характерно для книги в целом — следует рассмотреть несколько подробнее.

Героем повести выступает мудрый Махосадха, сын купеческого старейшины (разумеется, он отождествляется с Буддой). Пред-

ставители купеческого и ремесленных цехов нередко появляются на страницах «Джатак», играя активную роль в повествовании; в этом черта эпохи, когда это «третье сословие» действительно начинает играть все большую роль в социальной жизни государства и выходит на историческую арену, оспаривая исключительность кастовых привилегий жречества и аристократии. В этом и характерная черта литературы буддийской традиции, поскольку в буддизме находили опору новые общественные силы в борьбе с отжившим брахманистским вероучением, освящавшим эту исключительность.

И в «Повести о большом подземном ходе» скромное происхождение героя — не случайная черта. На всем протяжении повествования он противопоставляется брахманам и другим высокородным персонам, являя свое превосходство над ними. С детских лет он отличается необыкновенными способностями; первые разделы повести представляют собой краткие рассказы в жанре, характерном для «Джатак», — об искусном разрешении всякого рода трудных и запутанных вопросов и тяжб; сюда входит сюжет притчи о соломоновом суде, как уже было отмечено, и ряд других инкорпорированных сюжетов, в большинстве — явно фольклорного происхождения. Весть о юном мудреце доходит до царя, и героя приближают ко двору. Дальнейшее развитие действия определяется соперничеством «сына простолюдина», как его презрительно именуют придворные, со старыми царскими советниками-брахманами, причем герой неизменно выходит победителем из всех испытаний, посрамляя своим умом и изобретательностью соперников, между тем как снедаемые завистью брахманы, возглавляемые коварным и беспринципным царедворцем Сенакой, безуспешно пытаются погубить его, прибегая к самым подлым уловкам. В отличие от них Махосадха печется более всего о справедливости и благе государства. В своей деятельности он опирается на покровительство царя Ведехи, который, однако, не всегда оказывается для него надежной опорой. Образ этого царя типичен для «Джатак» и нарисован с замечательной художественной достоверностью. Недалекий и безвольный, избалованный властью, подозрительный и взбалмошный, он выглядит совершенным ничтожеством в сравнении с сыном простолюдина; без него он со всеми своими министрами слаб и беспомощен. Махосадха выручает его во всех невзгодах и фактически управляет государством. (Заметим, что характер царя повторяется в основных чертах в джатаке иного жанра — ее мы упоминали выше — под животной маской льва, он же переходит потом в обрамляющую повесть «Панчатантры» под именем Пингалаки.)

Другой тип монарха представляет собой образ претендующего на мировое господство могущественного завоевателя Брахмадатты Чулани, индийского Пикрохоля, — совет Кеватты в палийской повести действительно напоминает известную сцену в созданном много

веков спустя в иной культуре романе Рабле. И этот образ, как и образ советника Кеватты, отмечен авторской иронией, явно сказывающейся в грубоватом юморе сценки с попугаем, подслушивающим тайные замыслы будущих завоевателей. Препградой честолюбивым планам Брахмадатты опять-таки становится мудрость простолюдина Махосадхи.

В борьбе с царем Брахмадаттой и брахманом Кеваттой, жестокими и коварными противниками, Махосадха одерживает не одну победу, несмотря на явное неравенство сил. Борьба длится упорно и непримиримо до окончательного поражения царя панчалов. В описании осады Митхилы и дальнейшей войны с Брахмадаттой, как и в повести в целом, реальное перемежается фантастическим, но очевидно, что в какой-то мере здесь запечатлелась и действительная практика внешней и внутренней политики древнеиндийских государств с характерной для них развитой системой секретных служб и шпионажа, теоретическую разработку которой мы находим в известной «Артакшастре» и других санскритских трактатах, посвященных политической науке (ср. также художественное отражение этой практики в классической драме «Перстень Ракшасы» Вишакхадатты, русский перевод которой читатель найдет в книге «Классическая драма древней Индии», изданной в 1984 г.).

Но не только в суде и на войне, в искусстве разведки и дипломатии проявляется необыкновенная мудрость Махосадхи. «Повесть о большом подземном ходе» воспекает созидательную деятельность человека, ее герой — великий строитель. Воздвижение прекрасного дворца создает ему славу, которая приводит его ко двору царя. Он укрепляет Митхилу, строит новый город на берегу Ганги; к этому побуждают его военные цели, но знаменательно, что главными помощниками его в борьбе с могущественным врагом становятся умелые мастера, плотники, строители, сопровождающие его в походе. Здесь напрашивается любопытная параллель с другой большой джатакой, помещенной в нашем сборнике, — «Джатакой о царе Куше», упоминавшейся выше. Там царственный герой в скромном облике тщетно прибегает к своему мастерству в различных ремеслах, чтобы завоевать расположение возлюбленной; царевна признает его достоинства только после военной победы. Победу же Махосадхе над царем панчалов дает сооружение великолепного подземного чертога, которое и венчает деяния героя и дает название повести. В гиперболическом описании «большого подземного хода» сказывается восхищение творческим гением человека-созидателя, чудесами, творимыми умелыми руками; здесь в древнем тексте запечатлена мечта о будущих технических свершениях и изобретениях человеческого ума.

Выше мы упоминали о входящем в «Джатаки» цикле рассказов на популярный в восточных литературах и особенно характерный

для буддийской традиции мотив изобличения женской порочности и женского коварства. В самой «Повести о большом подземном ходе» в начальной части эту тему представляет вставная история Голакалы, а в завершающей части основного повествования против героя плетет интригу царица Нанда со своими приближенными дамами. Но в то же время самыми верными и надежными друзьями Махосадхи оказываются мудрые и благородные женщины, изображаемые в повести чрезвычайно привлекательно: царица Митхилы, явно превосходящая умом своего супруга, — она благодарна герою, спасшему ее жизнь и честь; Амарадэви, жена героя, не уступающая ему в мудрости и изобретательности; в последней части повести — мудрая отшельница Бхери (сцена ее немой «беседы» с Махосадхой напоминает эпизод из того же знаменитого романа Рабле — диспут Панурга и ученого англичанина, — но в джатаке в этом описании отсутствует сатирическое начало). В этом признании внутренних достоинств женщины и права ее на уважение — тоже черта нового мировоззрения общества, постепенно освобождающегося от предрассудков порабощающей женщину морали патриархата.

«Повесть о большом подземном ходе» выделяется, как мы отметили, во всей книге джатак значительностью своего художественного и культурно-исторического содержания. Параллели ее сюжетам находят в персидской литературе, в повестях о Хийкаре, в арабских сказках «Тысячи и одной ночи». По-видимому, она пользовалась особенной популярностью, и с достаточным основанием известный австрийский индолог и литературовед М. Винтерниц (1863—1937) называет ее «народной книгой».

В целом джатаки палийской книги написаны безыскусной прозой, стиль которой отмечен простотой и выразительностью, и стихами, большей частью довольно незамысловатыми, нередко несколько тяжеловесными; выше мы упоминали о различном происхождении стихов и прозы в дошедшем тексте памятника, но всегда между собой гармонирующих. Особенно в первых частях книги стихи назидательного содержания обычно суховаты и мало-выразительны в художественном отношении. В последних частях, в произведениях больших жанров, язык художественного описания несколько усложняется, обогащается арсенал выразительных средств. Более яркие и метрически разработаны стихи в больших джатаках-поэмах; отмечают родство некоторых описаний в «Повести о Вессантаре» с поэтическим стилем «Рамаяны».

Уже более ста лет тому назад «Джатаки» привлекли к себе внимание исследователей как один из ранних памятников повествовательной литературы, занимающий заметное место в истории мировой культуры. Особое внимание уделялось вопросу о происхождении «бродячих сюжетов», встречающихся в «Джатаках», пробле-

ме приоритета греческих или индийских версий сюжетов, общих для басен Эзопа и палийского памятника, и т. п. Сходство сюжетов, однако, не всегда объясняется заимствованием, и странствование их — процесс сложный, требующий тщательного изучения. В «Джатаках» помимо «бродячих сюжетов» представляет интерес выявление некоторых сюжетных архетипов, последующее воплощение которых в мировой литературе с заимствованием явно не связано. Так, помещенная в нашем сборнике «Джатака о царе Ними» (541) предвосхищает сюжет Дантовой «Божественной комедии», рассказ о Тикхинамантине в конце «Повести о большом подземном ходе» воспроизводит экспозицию сюжета о Гамлете. Сюжеты «Джатак» пока не изучены в полной мере, и обстоятельное литературоведческое исследование этого памятника еще впереди.

В 1929 г. С. Ф. Ольденбург, виднейший советский востоковед и историк культуры, указал на исключительную ценность содержащихся в тексте «Джатак» исторических данных; с того времени материал палийского памятника все более широко используется в работах по истории древней Индии. В «Джатаках», как мы указывали, мы узнаем многое о социальной жизни эпохи. Так, мы узнаем о разложении древней системы варн; высокое происхождение уже не обеспечивает безбедное существование для представителей двух высших варн — брахманов (жречества) и кшатриев (воинской аристократии), из джатаки 495 читатель узнает о брахманах лекарях, слугах, возницах, ремесленниках, охотниках и т. д., в джатаке 531 кшатрий занимается ремеслом горшечника, садовника, повара. С другой стороны, эти тексты свидетельствуют о возвышении роли третьего сословия, о чем мы уже говорили. Мы узнаем из «Джатак» многое о материальной культуре эпохи, о ремеслах, о градостроительстве, о развитии торговли и торговых путях, о различных формах земельной собственности, об общинной собственности на землю и жизни деревенской общины, о формах наемного и рабского труда, о положении рабов и т. д. Но и в области исторического содержания данные «Джатак» еще не исчерпаны исследователями.

На русский язык впервые отдельные джатаки из палийского канона были переведены в 70-х гг. прошлого века создателем отечественной индологической школы И. П. Минаевым (1840—1890), одним из тех первых исследователей языка и литературы пали, которые положили начало систематическому их изучению. В 1895 г. С. Ф. Ольденбург опубликовал рецензию на предпринятый тогда первый полный перевод «Джатак» на английский язык. После этого палийские джатаки долгое время не привлекали внимания отечественного востоковедения. Только в 1964 г. в сборнике «Повести, сказки, притчи древней Индии» были опубликованы переводы на русский язык двадцати повестей из первых трех книг «Джатак», выполненные В. В. Вертоградовой. Принадлежащие то-

му же автору переводы еще десяти джатак помещены были в книге «Поэзия и проза древнего Востока», вышедшей в 1973 г. в «Библиотеке всемирной литературы». В 1979 г. Б. А. Захарьин опубликовал сборник «Джатаки», включающий переводы избранных текстов из первой книги палийского собрания.

К настоящему времени русский читатель имел, таким образом, возможность познакомиться только с джатаками малых форм, в основном с баснями и притчами (преимущественно с животными персонажами), то есть с произведениями, принадлежащими одному из многих представленных в «Джатаках» жанров. Составители данного сборника ставили целью дать читателю представление о памятнике в целом, по возможности — о всем разнообразии его содержания. Для перевода были избраны джатаки из книг с четвертой по последнюю (двадцать вторую) различной тематики и жанровой принадлежности, от басен и притч до больших повествований типа романа или поэмы. Исключение джатак первых трех книг, а также относительная ограниченность объема издания препятствуют нам, однако, представить здесь все тематическое и жанровое разнообразие палийского сборника. Многих произведений, упомянутых выше, читатель не найдет в настоящем издании; для более полного знакомства с художественным содержанием памятника он может обратиться дополнительно к предшествующим изданиям переводов В. В. Вертоградовой и Б. А. Захарьина (см. выше).

Произведения в сборнике расположены частично по жанру, частично — учитывая общую направленность «Джатак» — по дидактическому содержанию. Буддийское обрамление некоторых джатак опущено — там, где оно не представляет значительного художественного или исторического интереса. Местами стихотворный текст, не обусловленный функционально художественной структурой повести, переведен ритмической прозой. Все переводы выполнены по остающемуся каноническому изданию В. Фаусбеля, опубликованному в Лондоне в 1877—1897 гг. По этому же изданию указаны порядковые номера джатак в палийском собрании, на которые даются обычно ссылки в работах по истории литературы и культуры древней Индии и в литературоведческих исследованиях.

В. Эрман

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Эрман. Предисловие</i>	3
--	----------

ВСТУПЛЕНИЕ

Спор Правды и Кривды (457). <i>Перевод А. Парибка . . .</i>	19
---	-----------

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Джатака о разрыве дружеских уз (349). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	25
Джатака о шакале (400). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	27
Джатака о петухе (383). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	31
Джатака о Путимамсе (437). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	33
Джатака о Манодже (397). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	36
Джатака о трепетном дереве (475). <i>Перевод Б. Захарьина . . .</i>	39
Джатака о знамени дхармы (384). <i>Перевод Б. Захарьина . . .</i>	43
Джатака о леопарде (426). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	45
Джатака о кабане Секаче (492). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	47
Джатака о перепелке (357). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	54
Джатака о черепахе (215). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	57
Джатака о пугающем звуке (322). <i>Перевод Б. Захарьина . . .</i>	59
Джатака об обезьяньем вожаке (407). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	62

О КОВАРСТВЕ И БЛАГОРОДСТВЕ ЖЕНЩИН

Джатака о Рухаке (191). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	69
Джатака о мешке с едой (402). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	71
Джатака о царевиче Махападме (472). <i>Перевод А. Парибка</i>	78
Джатака о грядках в лесу (446). <i>Перевод А. Парибка</i>	86
Джатака о младшем лучнике (374). <i>Перевод А. Парибка</i>	90
Джатака о жене в сундуке (436). <i>Перевод А. Парибка</i>	94

Джатака о Суласе (419). <i>Перевод А. Парибка</i>	97
Джатака о царе Куше (531). <i>Перевод А. Парибка</i>	101
Джатака о слоновьем царе (514). <i>Перевод А. Парибка</i>	127
Джатака об Аламбуше и Ришьяшринге (523). <i>Перевод А. Парибка</i>	139
Джатака о Нараде Кашьяпе (544). <i>Перевод А. Парибка</i>	146

О ПЛОДАХ ЗЛОДЕЙСТВА

Джатака об отрешенном от учителя (474). <i>Перевод А. Парибка</i>	173
Джатака о царстве Чайтхе (422). <i>Перевод А. Парибка</i>	178
Джатака о терпеливом великомученике (313). <i>Перевод А. Парибка</i>	184
Джатака о шелухе (338). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	187
Джатака о рабе Парантапе (416). <i>Перевод А. Парибка</i>	191
Джатака о неблагодарном военачальнике (445). <i>Перевод А. Парибка</i>	196
Джатака о брахмане-следопыте (432). <i>Перевод А. Парибка</i>	201
Джатака об осквернении знамени (391). <i>Перевод А. Парибка</i>	212
Джатака о неправедном царе и духе дерева хурмы (520). <i>Перевод А. Парибка</i>	215
Джатака о большом черном псе (469). <i>Перевод А. Парибка</i>	220
Джатака о великой обезьяне (516). <i>Перевод А. Парибка</i>	225
Большая джатака о Сутасоме (537). <i>Перевод А. Парибка</i>	230

ПОВЕСТИ О МУДРОСТИ ИСТИННОЙ И МНИМОЙ

Джатака об Ассакке (207). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	271
Джатака о Сатадхамме (179). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	274
Джатака о монахе, облаченном в кожу (324). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	277
Джатака о глупом перевозчике (376). <i>Перевод Б. Захарьина</i>	278
Джатака о ненасытности желаний (467). <i>Перевод А. Парибка</i>	282
Джатака о Бхаддасале (465). <i>Перевод А. Парибка</i>	289
Джатака о золотом павлине (491). <i>Перевод А. Парибка</i>	300
Джатака о блестящих серьгах (449). <i>Перевод А. Парибка</i>	307
Джатака о царе Бхаллатии и киннарах (504). <i>Перевод А. Парибка</i>	310

Джатака о Таккарии (481). <i>Перевод А. Парибка</i>	314
Джатака о мудреце-чандале (497). <i>Перевод А. Парибка</i>	323
Джатака о змеином укусе (354). <i>Перевод А. Парибка</i>	332
Джатака о плотниках-мореходах (466). <i>Перевод А. Парибка</i>	337
Джатака о Самваре (462). <i>Перевод А. Парибка</i>	342
Джатака о Кашьяпе-мохнатом (433). <i>Перевод А. Парибка</i>	347
Джатака о цене нравственности (330). <i>Перевод А. Парибка</i>	351
Джатака о царе Шиби (499). <i>Перевод А. Парибка</i>	354
Джатака о царе Ними (541). <i>Перевод А. Парибка</i>	363

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОМ ПОДЗЕМНОМ ХОДЕ (546). <i>Перевод В. Эрмана</i>	381
Примечания.	500

Повести о мудрости истинной и мнимой:
П 42 Сборник: Пер. с пали/Сост. А. Парибка, В. Эрмана; Предисл. В. Эрмана; Примеч. А. Парибка; Под ред. Г. Зографа. — Л.: Худож. лит., 1989. — 528 с.

ISBN 5-280-00692-0

В сборник входят переводы из «Книги джатак» — наиболее значительного памятника палийской повествовательной литературы IV—III вв. до н. э. Книга включает обширный цикл басен и сказок о животных, а также волшебные сказки, легенды, повести о разбойниках, притчи, анекдоты и пр. Во многих из этих произведений отразились реальные черты жизни древней Индии.

П 4703020600-055 162-89
028 (01)-89

ББК 84.5 Ид

**ПОВЕСТИ О МУДРОСТИ
ИСТИННОЙ И МНИМОЙ**

Составители

**Андрей Всеволодович Парибок,
Владимир Гансович Эрман**

Редактор Н. Толстая

Художественный редактор В. Лужин

Технический редактор Н. Литвина

Корректоры А. Борисенкова, Г. Щеголева

ИБ № 4236

Сдано в набор 11.05.88. Подписано в печать 21.12.88. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 27,72. Усл. кр.-отг. 28,56. Уч.-изд. л. 28,86. Тираж 50 000 экз. Изд. № LVIII-124. Заказ № 1560. Цена 2 р. 60 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.